

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

**ФАБРИКИ МЫСЛИ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

14 августа 2014 г., выступая в Ялте перед членами фракций политических партий в Государственной думе, президент России Владимир Путин сделал примечательное заявление: «Крым может и сегодня сыграть уникальную, объединяющую роль для России, став своего рода историческим, духовным источником, еще одной линией примирения как красных, так и белых, для того чтобы нам окончательно излечить рану, нанесенную нашему народу в результате драматического раскола XX века, восстановить связь времен, эпох, единство исторического пути России, нашего национального сознания, провести своего рода культурную, историческую терапию» [Встреча с членами фракций... 2014]. Фактически это заявление означало увязку российского внешнеполитического курса, одним из результатов проведения которого стало возвращение Крыма в состав России, с решением задач по лечению глубоких травм, нанесенных российскому обществу на протяжении прошлого века. Одновременно из этого заявления следовало, что прежние методы социальной терапии были недостаточно действенными, и их пришлось дополнить весьма радикальными шагами в области внешней политики.

Между тем вплоть до последнего времени внешняя политика была если не предметом общероссийского консенсуса, то, во вся-

¹ Статья отражает результаты исследования, проводимого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00553.

ком случае, темой, не вызывающей непримиримых противоречий внутри российского общества. Даже во время московской «недореволуции» рубежа 2011–2012 гг. оппозиционные силы демонстрировали индифферентность к внешнеполитической проблематике. Реакция оппонентов власти на внешнеполитические высказывания Владимира Путина в период президентской предвыборной кампании была довольно вялой; никто из них даже не пытался предложить какие-либо программные установки в этой области хотя бы в порядке реакции на статью кандидата в президенты, опубликованную в «Московских новостях» [Путин, 2012]. По всей видимости, нежелание оппозиционеров всерьез втягиваться в дискуссию по внешнеполитической проблематике было связано с тем, что альтернативная платформа не выглядела достаточно привлекательной с точки зрения мобилизации электората и политических активистов. По сути дела, оппозиция сохранила за Путиным монополию на определение и истолкование российской внешнеполитической повестки. Крайне невнятной остается позиция противников режима и во время украинского кризиса, поскольку радикальная критика действий власти пока лишь способствует их закреплению в нише политических маргиналов.

Очевидно, что в современной России нет дефицита внешнеполитических идей. Российское экспертное сообщество вполне в состоянии предлагать эти идеи *à la carte* или, по крайней мере, транслировать их от внешних источников генерации [см., напр.: Сергунин 2003; Цыганков А., Цыганков П., 2005]. На деле, однако, доминирующим подходом, оказывающим основное влияние на выработку российской внешнеполитической повестки, на протяжении двух последних десятилетий остается политический реализм. Во многом это обусловлено авторитетом патриарха российской школы политического реализма Е.М. Примакова, а также разочарованием части представителей российского экспертного сообщества в либеральном интернационализме вследствие политики Запада в отношении России на протяжении 1990-х годов [Зевелёв, 2012]. Преобладание данного направления внешнеполитической мысли связано также и с тем, что именно политический реализм восстанавливает преимущество в отношении внешнеполитических практик прежних этапов советской и российской истории, позволяя при этом избежать идеологической индоктринации. Разумеется, раз-

личные версии политического реализма не являются полностью деидеологизированными, но в целом данный подход позволяет формировать внешнеполитический курс на основе расчета баланса сил при минимальном обременении ценностными или политико-институциональными коннотациями.

В конечном счете соревнование внешнеполитических идей можно уподобить рыночной конкуренции, означающей поиск равновесия между предложением и спросом. Каковы же источники и механизмы формирования спроса на внешнеполитические идеи? Те или иные направления внешнеполитической мысли будут устойчивыми лишь в том случае, если они связаны со стабильными и влиятельными группами интересов, а сами эти интересы репрезентированы в соответствующих идеологемах. Понятно, что из-за разрывов исторической преемственности в XX в. у нас нет прямых соответствий течениям масштаба популистского джексоновства или либерального вильсонизма в США. Могли бы они появиться, если бы не эти разрывы? Несомненно, да. Ведь уже в парадигмальном для русского консерватизма тексте – в карамзинской «Записке о древней и новой России» [Карамзин, 1991] – историософская аргументация в пользу самодержавной «вертикали власти» спроецирована на вполне конкретные обстоятельства европейской политики после Тильзитского мира. Но если идеи Карамзина относительно природы российской власти отчасти применимы и к внутривнутриполитической ситуации в начале XXI в., то и его оценки бурной эпохи Французской революции и Наполеоновских войн, по крайней мере, окажутся поучительными для тех, кто пытается сориентироваться в сегодняшнем турбулентном мире. Быть может, чуть сложнее будет с «опрокидыванием» в современность внешнеполитических идей дореволюционных либералов. Скорее, случайностью выглядит аналогия между империалистическими устремлениями кадетского лидера Павла Миллюкова и чубайсовской идеей «либеральной империи», которая в свое время вызвала непродолжительную оживленную полемику, но серьезного концептуального развития так и не получила.

Устойчивость и востребованность внешнеполитических идей напрямую определяются интересами влиятельных сил и артикуляцией этих интересов в публичном пространстве. В постсоветскую эпоху появились принципиально новые группы интересов, которые

на протяжении 1990-х годов вполне успешно осваивали публичное пространство, начиная с массмедиа. Воссоздание вертикали власти не означало устранение групп интересов – напротив, происходила их дальнейшая консолидация. Однако формы артикуляции и механизмы согласования различных интересов и разрешения конфликтов существенно изменились, будучи в период путинского президентства тесно привязанными к власти.

Возможность эмансипации групп внешнеполитических интересов может быть связана как с укреплением российского среднего класса и формированием его идентичности, так и с дальнейшим структурированием политической и экономической элит. По всей видимости, в ближайшие годы средний класс, как и другие крупные социальные группы, еще не будет в состоянии сформировать четкий запрос на то или иное направление внешней политики. Скорее, этот запрос останется размытым и внутренне противоречивым, чему еще более будут способствовать динамика украинского кризиса и усиление геополитической напряженности.

Российский городской средний класс, или «новые сердитые», как его представителей метко назвал Алексей Чадаев [Чадаев, 2011], информационно и технологически уже вполне интегрирован в глобализированный мир, но это не значит, что при жестком критицизме в отношении собственной власти и элиты он заведомо станет генерировать прозападный и промодернизационный запросы. Скорее, это будет установка на то, чтобы отношения России с внешним миром начали реально работать на его, среднего класса, интересы. Но представители критически настроенного среднего класса в числе первых откажут в поддержке той политике, которая будет реально работать лишь в интересах нескольких элитарных групп.

Что же касается российской элиты, то, несмотря на ее очевидную неоднородность, позволяющую говорить даже о наличии различных фракций со своими внешнеполитическими предпочтениями [Sakwa, 2011; Kaczmarek, 2014], наилучшим образом специфику ситуации описывает предложенная Юрием Пивоваровым метафора «властной плазмы», способной объединять даже несовместимые друг с другом кластеры элиты на основе специфического регулирования отношений «власть – собственность». Именно в этой аморфной субстанции разрешаются и возникают вновь конфликты между основными группами интересов [Пивоваров, 2006,

с. 162–167]. «Властная плазма» служит питательной средой для дальнейшего структурирования и дифференциации групп интересов. Погруженные во «властную плазму», представители элиты варятся в собственном соку, не испытывая сильной потребности во взаимодействии с массовыми группами. В связи с этим возникает вопрос о качестве нынешней российской элиты, о степени ее укорененности в современном российском обществе и об осознании ответственности перед обществом. Украинский кризис может привести к еще большей радикализации постановки этого вопроса, способствующей не только обновлению элиты, но – в среднесрочной перспективе – серьезным системным преобразованиям.

Наращение консервативных тенденций после президентских выборов 2012 г., фундаментальный сдвиг в российской внешней политике, произошедший в связи с событиями на Украине в 2013–2014 гг., и становящиеся все более настойчивыми попытки рассматривать геополитическую конфронтацию в идеологическом ракурсе ставят принципиально новые задачи перед экспертно-аналитическими группами и организациями. Эти организации часто образно именуют мозговыми центрами или фабриками мысли [см.: Аналитические сообщества... 2012; Сунгуров, Распопов, Беляев, 2012; Балаян, Сунгуров, 2014]. Согласно определению исследователей из Пенсильванского университета, осуществляющих под руководством Дж. Макгэнна ежегодный мониторинг мировых экспертно-аналитических организаций, мозговыми центрами (think tanks) являются организации, осуществляющие политико-ориентированные исследования, анализ и консультирование, которые дают возможность представителям государственных институтов и общественности принимать обоснованные решения по вопросам, имеющим политическую значимость [2014 global go to think tanks... 2014]. Такие центры действуют на постоянной основе, они могут быть аффилированы с государственными или корпоративными структурами либо иметь статус независимых экспертно-аналитических организаций.

В 2014 г. Россия имела 122 мозговых центра (согласно методологии подсчета специалистов из Пенсильванского университета) и, таким образом, занимала по их количеству восьмое место в мире¹.

¹ По данным Дж. Макгэнна и его коллег, в 2014 г. по численности экспертно-аналитических организаций лидировали: США (1830 организаций), Китай (429), Великобритания (287), Германия (194), Индия (192), Франция (177), Арген-

В регионе Восточной Европы Россия является безусловным лидером с точки зрения численности экспертно-аналитических структур; вслед за ней идут Румыния (54), Украина (47), Польша (41) и Венгрия (41). Вместе с тем с учетом таких показателей, как численность населения и размер ВВП, отрыв России не кажется столь впечатляющим. Достаточно сказать, что даже Эстония имеет целых 17 мозговых центров.

Разумеется, количественные показатели указывают на одни тенденции и игнорируют другие. В связи с этим предпринимаются попытки рейтингования экспертно-аналитических организаций. Специалисты из Пенсильванского университета составляют свой рейтинг на основе процедуры, включающей свободное номинирование организаций, ранжирование по 38 категориям на основе опроса экспертов, несколько раундов отбора лидирующих организаций [2014 global go to think tanks... 2014, p. 24–27]. Согласно их подсчетам, в число 150 ведущих экспертно-аналитических центров входят всего четыре российские организации: Московский центр Карнеги (26-е место в рейтинге Пенсильванского университета), Институт мировой экономики и международных отношений РАН (32-е место), Совет по внешней и оборонной политике / СВОП (98-е место), Московский государственный университет международных отношений / МГИМО (102-е место).

В деятельности экспертно-аналитических сообществ, специализирующихся на проблемах внешней политики, обороны и безопасности, проявляется ряд характерных особенностей. Основная из них состоит в том, что во всем мире процесс принятия политических решений в областях внешней политики, обороны и безопасности отличается высокой степенью централизации. Влияние существующих групп интересов на выработку решений проявляется по-разному, но принятие самих решений сосредоточено на вершине властной иерархии. Разумеется, применительно к нашей стране необходимо учитывать как эту особенность, так и историческую эволюцию экспертно-аналитической деятельности, исходной моделью которой было характерное для советской эпохи одноканальное взаимодействие между политической инстанцией

(заказчиком) и экспертной организацией (исполнителем). В этой модели вплоть до горбачёвской перестройки основными характеристиками были закрытость и эксклюзивность взаимодействия, зачастую – отсутствие устойчивой обратной связи (как бывало в ряде случаев, когда академические институты отправляли свои аналитические материалы в ЦК КПСС и другие инстанции политического управления). Необходимость придания большей публичности экспертно-аналитической деятельности была осознана во времена М.С. Горбачёва, причем в авангарде этого процесса шли именно эксперты по проблемам внешней политики и международной безопасности. Они выступали в роли пропагандистов и популяризаторов идей перестройки и нового политического мышления, преодоления конфронтации между СССР и Западом, подготовки и реализации программ разоружения на основе серии советско-американских соглашений. Осуществление этих задач давало экспертам-международникам возможность высказываться и по проблемам внутренней политики, расширять «пространство дозволенного» (характерным примером может служить первое после возвращения из горьковской ссылки публичное выступление академика А.Д. Сахарова в феврале 1987 г. на международном форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества»). Вместе с тем активность в публичной сфере по преимуществу оставалась особенностью индивидуального стиля работы отдельных экспертов, близких к М.С. Горбачёву, – Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлева и других «прорабов перестройки».

Институциональные изменения в экспертно-аналитической деятельности, ориентированной на поддержку внешнеполитических решений, начали происходить уже в постсоветскую эпоху. С одной стороны, ликвидация политико-идеологической монополии КПСС создала серьезные проблемы для тех научных организаций, которые привыкли к одноканальной схеме взаимодействия с основным заказчиком. К тому же резкое сокращение бюджетного финансирования научных исследований в период гайдаровских реформ привело к снижению эффективности и сокращению кадрового потенциала академических институтов и государственных аналитических центров, осуществлявших экспертную деятельность. С другой стороны, в 1990-е годы открылись возможности

создания новых экспертно-аналитических организаций, функционирующих по стандартам зарубежных мозговых центров, действующих по модели многоканального взаимодействия с политическими инстанциями, влиятельными корпоративными акторами и другими группами интересов, гражданским обществом. Такие организации изначально ориентированы на то, чтобы использовать различные коммуникационные возможности воздействия на общественное мнение и через него оказывать дополнительное воздействие на процесс принятия политических решений.

Ярким примером нового типа экспертно-аналитических организаций, специализирующихся на проблемах безопасности и роли России в системе международных отношений, является Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), созданный в 1992 г. Образцом для создания СВОП был Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations / CFR) – один из наиболее авторитетных и влиятельных мозговых центров США. Будучи неправительственной организацией, СВОП стремится к привлечению к своей деятельности влиятельных политических и общественных деятелей, представителей крупного бизнеса, военно-промышленного комплекса, науки и образования. Такая широкая инклюзивная стратегия предполагает, что сама организация выступает в качестве платформы для диалога политиков и экспертов, придерживающихся различных взглядов на ту или иную проблему. В качестве форума, где высказываются различные идеологические позиции и экспертные оценки, СВОП нередко выходит за рамки внешнеполитической и оборонной проблематики, включаясь тем самым в общую дискуссию по животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего России¹. Вместе с тем СВОП является не только коммуникационной площадкой, но и экспертным центром, в деятельности которого чрезвычайно важную роль играет фактор лидерства, обеспечивающий «узнаваемость» этой фабрики мысли как в медийном отношении, так и в плане приверженности определенной политической стратегии. Сохранение индивидуального своеобразия экспертной организации особенно важно в условиях,

¹ Например, осенью 1998 г. СВОП выступил с инициативой ограниченной конституционной реформы, предусматривавшей сокращение властных полномочий Президента РФ и их перераспределение в пользу Правительства и Федерального собрания [см.: Заявление рабочей группы... 1998.].

когда на разных коммуникационных площадках выступает «хор» экспертов примерно с одним и тем же персональным составом, и его пополнение пока происходит довольно медленно.

Деятельность СВОП на протяжении двух десятилетий характеризовалась как подъемами, так и спадами. В отдельные периоды это было связано с вовлеченностью руководства СВОП в процессы, сопряженные со значимыми политическими и кадровыми изменениями. Например, критическая позиция многих экспертов СВОП по отношению к политической линии и дипломатическим методам, практиковавшимся российским МИДом в первой половине 1990-х годов, по всей видимости, способствовала смещению А.В. Козырева с поста главы внешнеполитического ведомства. В то же время поддержка председателем Президиума СВОП С.А. Карагановым Е.М. Примакова в 1999 г., очевидно, не слишком благоприятствовала безоблачному развитию отношений этого экспертного центра с кремлевским руководством (как до отставки Б.Н. Ельцина с поста Президента РФ, так и в начале путинского правления).

В случае СВОП ориентация на высокую степень публичности экспертно-аналитической деятельности и стремление играть активную роль в том, что можно назвать «производством смыслов», проявляются в поиске новых возможностей воздействия как на общественное мнение в России и за ее пределами, так и на людей, вовлеченных в процесс принятия политических решений. В 2002 г. С.А. Караганов выступил инициатором создания журнала «Россия в глобальной политике», рассматривая при этом в качестве примера, достойного подражания, журнал «Foreign Affairs», издаваемый американским Советом по международным отношениям. «Россия в глобальной политике» к настоящему времени во многом удалось занять нишу, сходную с той, которую среди ведущих американских изданий, специализирующихся на проблемах мировой политики, занимает «Foreign Affairs» (оба журнала находятся в партнерских отношениях). Обеспечивая высокий стандарт качества публикуемых статей и аналитических материалов отечественных экспертов, журнал, имеющий русскоязычную и англоязычную версии, одновременно стал новым каналом обмена идеями и оценками между российским и международным экспертными сообществами.

Еще одним успешным проектом СВОП стало создание в 2004 г. совместно с РИА «Новости» международного дискуссионного клуба «Валдай». Наряду с возможностями неформального общения и достаточно ярко выраженными элементами перформативности той части работы клуба, которая открыта для СМИ, основным фактором успеха проекта стало эксклюзивное общение ведущих российских и зарубежных политологов с Владимиром Путиным. Основной особенностью такого общения является не столько презентация российскому лидеру новых продуктов экспертно-аналитической деятельности, сколько ознакомление самих экспертов с оценками Владимиром Путиным широкого круга проблем международных отношений и развития страны. Очевидно, во многом благодаря устойчивости формата встреч экспертов с Владимиром Путиным клуб «Валдай» сумел доказать свою конкурентоспособность в негласном соперничестве с Ярославским политическим форумом (проводился в 2009, 2010 и 2011 гг.), основным ньюсмейкером которого был Дмитрий Медведев.

Период так называемой тандемократии (2008–2012) был ознаменован ситуативными, но достаточно показательными новшествами в деятельности нескольких ведущих экспертно-аналитических организаций. Видимость альтернативности вариантов развития страны, созданная самой ситуацией соправительства Владимира Путина и Дмитрия Медведева, а затем и «вброс» одним из дуумвиров тезиса о модернизации побудили ряд экспертных центров включиться в борьбу за колонизацию нового пространства политического дискурса. При этом создавалось впечатление, что участники развернувшейся дискуссии о модернизации рассматривают это пространство едва ли не как целину, где можно произвольно пренебрегать как теоретической традицией, так и глобальным контекстом [подробнее см.: Ефременко, 2014]. Для части экспертов наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти», внешнеполитической ориентации страны и даже за конкретное решение проблемы демонтажа правящего тандема (в рамках тех вариантов, которые считались возможными до объявления 24 сентября 2011 г. Владимира Путина кандидатом от «Единой России» на пост президента РФ).

Иначе говоря, в деятельности экспертно-аналитических сообществ существенно усилилась идеологическая направленность, чему в значительной степени способствовало стремление таких центров, как Институт современного развития (ИНСОР) и Институт общественного проектирования (ИНОП), презентовать свои аналитические продукты с использованием PR-технологий, обеспечивающих максимальный медийный эффект. Как подчеркивает О.Ю. Малинова, экспертные организации тем самым «вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование развиваемых ими способов интерпретации социальной реальности» [Малинова, 2013, с. 193]. При этом противостояние фабрик мысли явно решало политтехнологическую задачу замещения реальной конкуренции политических партий: оппозиция «ИНОП против ИНСОРа» представлялась неким эрзацем двухпартийной системы [см.: Святенков, 2009, с. 13]. Впрочем, экспертам, выходявшим на поле публичной политики, далеко не всегда удавалось верно оценить влияние своих предложений на ситуацию в стране.

В ходе конкурентной борьбы за овладение пространством модернизационного дискурса большую популярность приобрел тезис о фактической безальтернативности модернизации либо о заведомой неприемлемости возможных альтернатив. Этот тезис, нуждающийся в тщательном обосновании, во многих текстах, посвященных модернизации, оказывался постулатом. Так, например, в докладе Института современного развития «Обретение будущего. Стратегия 2012» провозглашалось, что «задача приведения к современности» через быстрое и радикальное системное обновление равнозначна решению вопроса о выживании страны [Обретение будущего... 2011, с. 4]. Практически на той же самой посылке «aut – aut, tertium non datur» основывался и доклад «Культурные факторы модернизации», подготовленный для Фонда «Стратегия 2020» рабочей группой под руководством А.А. Аузана: «Или страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы» [Культурные факторы модернизации, 2011, с. 3].

Постулирование безальтернативности модернизации неизбежно предполагает существование нормативного образца, по крайней мере, общего стратегического ориентира, в направлении которого должно двигаться модернизирующееся общество. С точки зрения выбора возможных ориентиров дискуссия о модернизации пошла по хорошо знакомым направлениям: социалистическое преобразование общества; преобразования в ходе строительства империи или сверхдержавы; трансформации, связанные с демократическим транзитом и созданием полнокровной рыночной экономики. Иначе говоря, сторонники различных идеологических подходов искали нормативную модель модернизации либо вовне (в прошлом и настоящем), либо на российской почве (только в прошлом). Эти установки имели и внешнеполитическую проекцию, что нашло свое отражение, прежде всего, в докладах и выступлениях представителей Института современного развития.

Особое местоположение ИНСОРа в специфической системе координат периода танDEMOKратии неизменно привлекало общественное внимание к интеллектуальной продукции этой фабрики мысли. ИНСОРовская оценка государственного патернализма как преграды модернизационным усилиям демонстрировала стремление ориентированной на третьего президента РФ части российской элиты демонтировать «путинскую вертикаль», а призывы к либерализации политического режима рассматривались с точки зрения «проблемы 2012». Внешнеполитические разделы докладов ИНСОРа выступали логическим продолжением этой линии, причем недостаточная проработанность соответствующих инициатив компенсировалась сенсационностью их подачи. Так, в получившем широкую известность докладе «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» (2010) в числе ориентиров, которые могут быть достигнуты в результате осуществления программы модернизации, назывались вступление России в НАТО, обретение статуса стратегического союзника ЕС с перспективой полноправного членства в этом объединении, стратегическое партнерство с США, обеспеченное за счет заключения прорывных соглашений в области стратегической стабильности, разработки совместных программ противоракетной обороны, достижения баланса интересов на постсоветском пространстве, сотрудничества России и Америки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке. На этом фоне весьма

невнятным оставалось описание самостоятельной роли России на постсоветском пространстве (по мнению авторов доклада, сам этот термин уйдет в прошлое, зато сохранится понятие «ближнее зарубежье»). Предполагалось, что СНГ будет существовать и по завершении российской программы модернизации, но едва ли не единственным его значимым достижением станет создание Зоны свободной торговли. При этом красноречиво замалчивались интеграционные инициативы по развитию ЕврАзЭС и формированию Таможенного союза, которые к началу 2010 г. уже находились в процессе реализации¹. Не меньшей неопределенностью характеризовалось и описание перспектив китайско-российских отношений: авторы доклада предполагают некое балансирование в четырехугольнике США – Япония – Россия – Китай, а Шанхайскую организацию сотрудничества рассматривают в качестве механизма согласования интересов Москвы и Пекина.

Доклад ИНСОРа «Россия XXI века: Образ желаемого завтра» содержит примечательную характеристику внутри- и внешнеполитических последствий реализации модернизационной программы. Идеальное «постмодернизационное» будущее описывается в докладе так: «Конфронтация и изоляционизм стали недопустимой роскошью, а потребности в обретении новых технологий и развитии внешнеэкономических связей заставили искать новые подходы и компромиссы, заимствовать и переносить на российскую почву практики управления экономикой, социальной сферой и урегулирования конфликтов в обществе. Как поиск ресурсов для модернизации, так и укрепляющееся сотрудничество с развитыми странами сделали одним из приоритетов внешней политики демилитаризацию международных отношений» [Россия XXI века... 2010, с. 44–45]. Иначе говоря, модернизация, изначально понимаемая как способ технологического обновления и повышения экономической конку-

¹ Эта двусмысленность была отчасти преодолена в опубликованном в 2011 г. докладе ИНСОРа «Обретение будущего. Стратегия 2012», где вопросам межгосударственных отношений на постсоветском пространстве была посвящена значительная часть внешнеполитического раздела, написанного С.А. Куликом и И.Ю. Юргенсом. Характерной особенностью подхода этих авторов к проблематике постсоветского пространства было стремление найти способ гармонизации интересов России в странах СНГ с императивом конструктивного сотрудничества с ЕС [см.: Обретение будущего... 2011].

рентоспособности, должна привести к институциональным изменениям и изменению внешнеполитических приоритетов.

Следует отметить, что сходной логикой характеризовалась совместная инициатива России и Европейского союза «Партнерство для модернизации», выдвинутая на саммите «Россия – ЕС» в Стокгольме в ноябре 2009 г. Инструментально-релятивистская трактовка модернизации, как казалось, могла предоставить в распоряжение Евросоюза механизмы влияния на трансформационные процессы в России и в то же время позволяла российским элитам не принимать на себя слишком жестких обязательств в части преобразования политических институтов. Вместе с тем сама инициатива «Партнерство для модернизации» была сформулирована сторонами таким образом, чтобы не подменять собой существующие «дорожные карты» переговоров о подготовке нового базового соглашения между Россией и ЕС. В результате эта инициатива не привела к развязке ни одной из крупных проблем в отношениях между Россией и ЕС, а ее суммарный эффект в целом соответствовал общему эффекту модернизационной риторики Д.А. Медведева для российской экономики и социальной сферы.

Вопросы европейской безопасности в экспертной деятельности ИНСОРа периода тандемократии во многом интерпретировались в контексте «модернизационного» диалога с ЕС и российско-американской перезагрузки. При этом ИНСОРа даже в 2011 г. продолжал популяризировать безнадежно забуксовавшую инициативу Договора о европейской безопасности (ДЕБ), рассматривая гипотетическую возможность заключения этого соглашения в качестве необходимой предпосылки строительства «Общего евроатлантического пространства безопасности». В комментарии к этому разделу доклада А.А. Дынкин и В.Г. Барановский высказались довольно резко: «Так может, пора отказаться от ритуальных призывов поддержать идею Договора о европейской безопасности, которая все больше напоминает “чемодан без ручки” – и тащить неудобно, и бросить вроде бы жалко?» [Обретение будущего... 2011, с. 319]. В связи с этим уместно также вспомнить, что в начале июля 2010 г. на сайте госзакупок Управлением делами президента РФ был объявлен тендер на проведение исследования по теме «Договор о европейской безопасности: субстантивное наполнение, методы реализации, цели» (начальная стоимость контракта составляла 200 тыс. руб.).

Само объявление тендера на эту и другие НИР указывало на намерение кремлевского руководства упорядочить и сделать более прозрачными механизмы взаимодействия с экспертно-аналитическими сообществами. Однако в сентябре 2010 г., когда подводились итоги конкурса, появилась лишь лаконичная информация об отмене тендера, связанного с тематикой ДЕБ [см.: Габуев, Черненко, 2012], что, очевидно, свидетельствовало об осознании бесперспективности самой идеи Договора.

Гипертрофированное общественное внимание к активности ИНСОРа, с одной стороны, провоцировало чрезмерный и не всегда оправданный критицизм по отношению к продукции этого мозгового центра, но, с другой стороны, способствовало активизации работы других экспертно-аналитических групп и организаций. Период танDEMократии и начало третьего срока президентства Владимира Путина можно считать своеобразным «звездным часом» для российских экспертных сообществ, представители которых, наряду с традиционными для фабрик мысли функциями политического консультирования, начинали играть более существенную идеологическую роль, отчасти замещая в этом качестве политические партии и группы политического влияния. Однако экспертная деятельность в области внешней политики и международных отношений лишь «по касательной» оказывалась затронутой вниманием общества. О проблемах внешнеполитической экспертизы недвусмысленно высказывались представители того же ИНСОРа, указывавшие на неудовлетворительное качество обратной связи государства с экспертными сообществами, потребность в восстановлении и создании новых экспертных школ и направлений, важность преодоления поколенческого разрыва в экспертной среде. Призывая к пересмотру концептуальных оснований внешнеполитической деятельности, И. Юргенс и С. Кулик подчеркивали необходимость учета мнений как российского общества и российских элит, так и общественного мнения и настроений элит тех стран, сотрудничество с которыми является для России приоритетным. В частности, они предлагали подумать о создании Экспертного общественного совета, в задачи которого будет входить повышение эффективности информационного обеспечения внешнеполитической деятельности [Обретение будущего... 2011, с. 289, 292, 294].

Ситуацию, при которой экспертно-аналитические сообщества играют роль чуть ли не основных выразителей различных политико-идеологических подходов, нельзя считать нормальной. Как минимум это свидетельствует о дисфункции политических партий. В условиях соправительства 2008–2012 гг. отдельные экспертные центры начали выполнять специфические функции глашатаев идей, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли исходить напрямую от участников тандема. Более того, представители экспертных сообществ вольно или невольно становились соучастниками специфического модерирования политической дискуссии, когда вокруг их продукции создавался ореол «сокровенного знания», якобы выражающего подлинные намерения президента или премьер-министра. Неважно, что таких намерений в действительности могло и не быть: «приписывание» некоей совокупности программных установок, например, Дмитрию Медведеву способствовало поддержанию иллюзии политической альтернативности. Когда 24 сентября 2011 г. разрешилась интрига, связанная с определением дальнейшего политического лидерства, специфическая функция экспертных сообществ оказалась в основном исчерпанной.

Помимо объективного изменения внутривластной ситуации после начала третьего президентского срока В.В. Путина экспертные сообщества ощутили на себе и воздействие перемен в руководстве президентской администрации. С приходом В.В. Володина на должность первого заместителя руководителя Администрации президента вместо В.Ю. Суркова начали меняться подходы к взаимодействию с экспертными сообществами, в частности, стремление администрации несколько расширить круг московских экспертных центров, но при этом обеспечить их большую подконтрольность, в первую очередь, через механизмы финансирования. Несмотря на то что количество групп интересов, заинтересованных в экспертной поддержке, достаточно велико, в последние полтора года наблюдается явное снижение готовности таких групп выступать в качестве независимых заказчиков экспертно-аналитической продукции. В этих условиях зависимость экспертных сообществ от основного заказчика – государства – существенно возрастает.

Усиление государственного участия в процессах, связанных с экспертно-аналитической деятельностью, достаточно ярко проявилось и в том, что касается внешнеполитической проблематики.

В феврале 2010 г. указом президента РФ Д.А. Медведева была создана новая экспертно-аналитическая организация – Российский совет по международным делам (РСМД). В результате на площадке российских экспертных центров по внешней политике и безопасности появился суперигрок, в числе преимуществ которого не последнее место занимает мощная финансовая поддержка со стороны государства. По словам исполнительного директора Совета А.В. Кортунова, РСМД является платформой, которая сможет консолидировать имеющийся в России немногочисленный экспертный ресурс по внешней политике, а также решить системные проблемы при взаимодействии экспертов и власти [см.: Габуев, Черненко, 2012].

Весьма показательным отражением новых тенденций является эволюция деятельности ИНСОРа, который начиная с 2012 г. все больше ориентируется на внешнеполитическую проблематику. В частности, именно ИНСОП вошел от России в состав так называемого Совета советов – объединения ведущих экспертно-аналитических центров стран G20. В последнем, кстати, можно видеть проявление транснационализации активности экспертно-аналитических сообществ, которая явно идет вразрез с трендом усиления влияния государства на условия функционирования российских фабрик мысли.

Учреждение в 2012 г. Изборского клуба в качестве своеобразной государственнической антитезы большинству либерально-ориентированных экспертных центров и интеллектуальных форумов (включая клуб «Валдай») внесло свой вклад в формирование политико-идеологической платформы, на основе которой реализовывались меры по восстановлению российского суверенитета над Крымом и Севастополем, а также другие действия российского руководства в связи с украинским кризисом. Ярко выраженная антилиберальная идеологическая направленность, апелляция к традиционным культурным основаниям и моральным ценностям, характерные для Изборского клуба, возможно, выступают предвестниками еще более крутого разворота в процессе производства смыслов, который будет иметь прямое отношение и к внешнеполитической дискуссии.

Показательным примером привнесения идеологической составляющей в конкурентные отношения между различными экспертно-аналитическими организациями России стала публикация в феврале 2014 г. доклада Российского института стратегических

исследований «Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и вузов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение». Цель доклада состояла в том, чтобы показать, что экспертно-аналитическая деятельность ряда российских исследовательских центров, научных учреждений и вузов, по сути, подпадает под действие Федерального закона № 121 об НКО, выполняющих функции «иностранных агентов». Согласно докладу, эти организации «получают зарубежное финансирование и ведут политическую деятельность, оказывая влияние на формирование политики и общественного мнения» [Методы и технологии деятельности... 2014]. Авторы доклада считают деятельность таких структур не чем иным, как иностранной пропагандой. Еще большую «опасность» такой пропаганде придает экспертный дискурс, поскольку «данные структуры воспринимаются как носители тренда, и у российских экспертов вырабатывается стремление оставаться в тренде – т.е., по сути, мыслить в заданных парадигмах, подстраивать собственные высказывания под высказываемые позиции для поддержания популярности и собственной востребованности в массмедиа» [там же]. Среди организаций, ведущих такого рода деятельность, в докладе были названы Московский центр Карнеги, Российская ассоциация политической науки, Центр политических исследований России (ПИР-Центр), Левада-центр, Российская экономическая школа, Фонд «Новая Евразия», Российская ассоциация международных исследований, Институт социологии РАН. Следует отметить, что в докладе не просто перечислялись источники зарубежного финансирования этих организаций, но критически анализировалась их научная продукция.

Несомненно, что доклад РИСИ продемонстрировал не только новую модальность в отношениях конкуренции между экспертными сообществами, но и нарастающую нетерпимость в определенных кругах к плюрализму экспертных оценок. Сам доклад как будто бы не имел прямых последствий для упомянутых в нем организаций, а сфера действия ФЗ № 121 не была расширена за счет включения в нее научной и экспертно-аналитической работы. Тем не менее публикация доклада внесла свой вклад в изменение политико-идеологической атмосферы в стране.

Интересно отметить, что спустя несколько месяцев после демарша РИСИ в США был опубликован доклад «Америка плохо обслуживается финансируемыми правительством региональными исследованиями и программами по внешней политике», подготовленный сотрудником Фонда наследия М. Гонсалесом [Gonzalez, 2014]. Автор доклада напрямую связывает неудачи внешнеполитического курса администрации Б. Обамы с фундаментальными просчетами экспертного сообщества, с тем, что «прогрессивный академический консенсус» глубоко ошибочен в отношении ряда ключевых глобальных проблем, в том числе проблем российско-американских отношений. Гонсалес откровенно призывает к сокращению бюджетного финансирования соответствующих университетских программ и к наращиванию финансовой поддержки образовательных программ, связанных с национальной безопасностью.

Явные аналогии между докладами РИСИ и Фонда наследия заставляют задуматься о причинах, способствующих переводу конкуренции между экспертными группами и сообществами в подобную модальность. Для Америки, по всей видимости, основной причиной является углубление межпартийного раскола, спроецированное на экспертно-аналитическую деятельность. В случае России речь идет не о противостоянии оформленных политических сил, но о перманентном конфликте фракций, крайне условно соотносимых с «либерализмом» и «консерватизмом». Это все та же «властная плазма», но в довольно возмущенном состоянии, обусловленном нарастающей международной напряженностью и возможным перераспределением ресурсов между экспертными структурами.

Следует, однако, осознавать, что ограничение экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, сокращение возможностей как для публичных дискуссий с участием экспертов, так и для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом довольно быстро может привести к снижению качества политических решений. Именно поэтому можно рассчитывать, что разнообразие мнений и аналитических подходов в российском экспертном сообществе будет сохранено и станет основой для разработки эффективной стратегии развития России в нестабильном мире.

Список литературы

- Аналитические сообщества в публичной политике: Глобальный феномен и российские практики / Н.Ю. Беляева (отв. ред.). – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – 253 с.
- Балаян А.А., Сунгуров А.Ю.* Фабрики мысли: Международный и российский опыт. – СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2014. – 236 с.
- Встреча с членами фракций политических партий в Государственной Думе // Президент России. – Ялта, 2014. – 14 августа. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46451> (Дата посещения: 23.05.2015.)
- Габуев А., Черненко Е.* По странам и стечениям обстоятельств // Коммерсантъ Власть. – М., 2012. – № 39 (993), 1 октября. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2025883> (Дата посещения: 23.05.2015.)
- Ефременко Д.В.* В поисках модернизационных ориентиров в эпоху междуцарствия модерна // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 2. – С. 3–30.
- Заявление рабочей группы по политической стабильности Совета по внешней и оборонной политике. – М., 1998. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_1/article.php?art=12 (Дата посещения: 09.11.2013.)
- Звелёв И.* Реализм в XXI веке. Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – Т. 10, № 6. – С. 120–133.
- Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – 125 с.
- Культурные факторы модернизации: Доклад. – М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-5662.html> (Дата посещения: 03.11.2013.)
- Малинова О.Ю.* Экспертно-аналитические организации и формирование общественной повестки дня: Анализ идеологических практик в современной России // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4. – С. 192–210.
- Методы и технологии деятельности зарубежных и российских исследовательских центров, а также исследовательских структур и ВУЗов, получающих финансирование из зарубежных источников: анализ и обобщение: Доклад / Российский институт стратегических исследований. – М., 2014. – 97 с. – Режим доступа: <http://www.saveras.ru/wp-content/uploads/2014/03/doklad-smolin.pdf> (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Обретение будущего. Стратегия 2012 / Институт современного развития. – М., 2011. – 322 с. – Режим доступа: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Пивоваров Ю.С.* Русская политическая традиция и современность / РАН. ИНИОН. – М., 2006. – 255 с.
- Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. – М., 2012. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- Россия XXI века. Образ желаемого завтра. – М.: ЭКОН-Информ, 2010. – 66 с.

- Сергунин А.А.* Российская внешнеполитическая мысль. – Н. Новгород: НГЛУ, 2003. – 90 с.
- Святенков П.* Институт двухпартийной экспертизы // Русский журнал. – М., 2009. – Вып. 26 (40), 16 ноября. – С. 13.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю.* Институты-медиаторы и их развитие в современной России: Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. – М., 2012. – № 4. – С. 99–116.
- Цыганков П.А., Цыганков А.П.* Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения // Вопросы философии. – М., 2005. – № 1. – С. 3–18.
- Чадаев А.* Драматургия 2011-го // Взгляд. – М., 2011. – 21 марта. – Режим доступа: <http://vz.ru/opinions/2011/3/21/477289.html> (Дата посещения: 02.11.2013.)
- 2014 Global go to think tanks: Index report / Univ. of Pennsylvania. – Philadelphia, PA, 2015. – 171 p. – Mode of access: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Gonsalez M.* America is ill-served by its government-funded area studies and foreign policy programs // The Heritage Foundation. – Washington, D.C., 2014. – August 25. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/reports/2014/08/america-is-ill-served-by-its-government-funded-area-studies-and-foreign-policy-programs> (Дата посещения: 02.05.2015.)
- Kaczmarzski M.* Domestic power relations and Russia's foreign policy // Demokratizatsiya: The journal of post-Soviet democratization. – Washington, D.C., 2014. – Vol. 22, N 3. — P. 383–409.
- Sakwa R.* The crisis of Russian democracy. The dual state, factionalism and the Medvedevs succession. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2011. – 398 p.